

Ю. О. Андреева

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ МОЛОКАН В СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена современной ситуации религиозной группы молокан в Грузии. Секта молокан сложилась в XVIII в. в центральных губерниях Российской империи. В Закавказье их стали выселять с 1830 г. после отнесения к «особо вредным сектам». Сегодня большая часть молокан в силу разных причин переехала в Россию и в другие страны. В Азербайджане, Армении и Грузии осталось лишь несколько сел, где все еще компактно проживают молокане и стараются сохранять традиционный уклад. В ходе экспедиции автора 2018 г. были собраны материалы, показывающие почти полное вымирание течения в связи с миграцией в Россию. В статье выделяются традиционные молоканские черты, которые удалось наблюдать в сообществе, находящемся на грани исчезновения. В бывших молоканских селах еще есть собрания, очевидно, доживающие свои последние дни. Описывается роль религии в современном молоканском сообществе. Кроме того, приводятся рассказы информантов о порядках, бытовавших в прошлом, и об отношениях с грузинскими соседями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миграция, сектантство, молокане, религиозное меньшинство, село

УДК 28(479.22)

DOI 10.31250/2618-8619-2019-2(4)-16-26

АНДРЕЕВА ЮЛИЯ ОЛЕГОВНА — к.и.н., м.н.с. отдела этнографии Кавказа, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: Julia.o.andreeva@gmail.com

* Статья написана в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление», проект «Между сообществом и государством: национальное строительство и политические идентичности в современных кавказских обществах» (рук. Е. Л. Капустина).

В статье речь пойдет о религиозной группе, появившейся на территории Грузии в середине XIX в., а сейчас, по сути, уже не существующей, то есть, о следах, оставшихся от когда-то проживавших там молокан. Статья основана на полевых материалах, полученных в ходе поездки к молоканам в мае 2018 г. В экспедиции также принимала участие Амалия Пргавян. Нам удалось посетить села Илияцминда (Ульяновка) и Давитиани (Свободное), а также собрание в Тбилиси. Отдельные семьи молокан все еще есть и в других селах, но они уже не образуют сообщества единоверцев. В задачи исследования не входили поиски и описание всех молоканских общин в Грузии, мне хотелось бы остановиться на неких закономерностях, которые удалось наблюдать в сообществе, находящемся на грани вымирания: какие черты они сохранили, а какие нет. Вначале несколько слов о самом течении и истории его появления в Закавказье.

МОЛОКАНЕ В ГРУЗИИ

Молоканство сложилось как отдельное вероучение в Тамбовской губернии во второй половине XVIII в. Традиционно в историографии оно относится к старому русскому сектантству наряду с духоборчеством, субботничеством, хлыстовщиной, скопчеством и некоторыми другими течениями. Название «молоканство», скорее всего, связано с тем, что так именовали «сектантов» официальные власти за то, что они не придерживались православных постов и употребляли в постные дни молоко. Молокане же приняли название, толкуя свое вероучение как «чистое словесное молоко», о котором говорится в Писании (1 Пет. 2:2). Они отвергают почитание икон, святых, церковную иерархию, Священное Предание, религиозные обряды и богослужебную роскошь. Моление — главная часть собрания, перед ним молокане читают Библию, поют псалмы и проводят беседы. Пресвитер руководит общиной, но не получает за свою работу никакого вознаграждения. Он является первым среди равных, как правило, избирается пожизненно и пользуется авторитетом среди единоверцев.

Не существует единого молоканского движения, на протяжении истории оно делилось на много разных толков, например молокане Донского толка, постоянные молокане, прыгуны, максимисты, общего толка (коммуна), молокане-пресники, молокане-перевоплощенцы, молокане-субботники и т. д. (Семенов 2001: 44–46). Сегодня сохранились только группы постоянных молокан, молокан-прыгунов и максимистов, названных так в честь одного из пророков — Максима Рудометкина. Постоянные молокане считают, что они восходят к первоначальному учению Семена Уклеина XVIII в., их религиозное собрание заключается в чтении Библии и пении библейских стихов. Прыгуны выделились в середине XIX в. и называются так из-за экстатичных молений. Они придерживаются ветхозаветных праздников, имеют пророков и дополнительный священный текст «Дух и жизнь». По сути, каждая община свободна в интерпретации молоканского учения и библейских сюжетов.

В Грузии молокане оказались не по своей воле: их высылка на Кавказ началась с 1830-х гг., когда при Николае I они были отнесены к «особо вредным сектам». Поступающих на военную службу «сектантов» рекомендовали отправлять в Закавказский корпус. Им запретили собираться на молитвенные собрания и отправлять свои обряды, а также против них было введено множество экономических ограничений (Долженко 1985: 21–22). Первоначально местом поселения русских сектантов на Кавказе была Карабахская провинция, куда ссылались духоборы с Дона и молокане из Тамбовской губернии, а с 1833 г. министр внутренних дел разрешил селиться и в других районах Закавказья (Долженко 1985: 23). Государство стремилось, с одной стороны, изолировать православное население от «сектантской заразы», с другой стороны, заселить новые окраины

империи. В частности, введение послабляющих законов в отношении переселенцев привело к тому, что многие сектанты стали приезжать туда добровольно (Долженко 1985: 24).

В Грузии сектанты селились в двух частях: духоборы — на юго-востоке в крае Самцхе-Джавახети в селах Ниноцминдского (ранее Богдановка) района, молокане — на востоке в крае Кахетия — село Красногорка (ранее Малхазовка, с 2012 г. Сатапле) Сагареджойского района, село Ульяновка (ранее Ново-Александровка, с 2011 г. Илиацминда) Сигнагского района, село Нинигори (ранее Ново-Михайловка) и село Свободное (ранее Графовка, с 2012 г. Давитиани) Лагодехского района.

Ко второй половине XIX в. Кавказ превратился в главный центр поселения духоборов и молокан. Согласно «Своду статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г.», в Кутаисской губернии проживали 33 молоканина в Тифлисской губернии — 4822 (Свод... 1893: 455). Православных русских среди переселенцев было немного, их соотношение к общей массе крестьян составляло 0,62%, тогда как сектанты занимали 2,04% (Исмаил-Заде 1982: 64).

МИГРАЦИЯ ЗАКАВКАЗСКИХ МОЛОКАН В РОССИЮ

Сегодня большая часть молокан в силу разных причин переехала в Россию и в другие страны. В Азербайджане, Армении и Грузии осталось лишь несколько сел, где все еще компактно проживают молокане и стараются сохранять традиционный уклад. По данным переписей 1989 и 2002 гг. численность русского населения Грузии за этот промежуток уменьшилась на 80% и составляла соответственно 6,3% и 1,6% (Гвасалия 2013). На 2013 г. в Грузии насчитывалось 800 молокан, проживающих в регионе Кахетия в селах Свободное, Ульяновка, Красногорск. Жители этих деревень в основном люди пожилого возраста (Гвасалия 2013). В Грузии в русских сектантских селах в 1980-х гг. русские составляли, как правило, большинство жителей (не менее 95%). В селе Ульяновка проживало 1285 русских жителей. В качестве одной из предпосылок к переезду из села называются проблемы с водоснабжением (Комарова 1992: 122–123). В 2018 г. в селе Ульяновка (Илиацминда) осталось менее 70 русских жителей и около 30 русских семей в селе Свободное (Давитиани). Однако даже среди них многих можно отнести к молоканам достаточно условно, они не проявляют интереса к традициям предков или являются потомками смешанных браков.

При этом стоит сказать, что молокане исчезли из Грузии в 1990-е гг. не вдруг. Массовая миграция русского населения из Закавказья началось задолго до 1988 г., то есть до конфликта в Нагорном Карабахе (Комарова 1992: 107). В Грузии, как и в Азербайджане, большинство мигрантов в конце 1980-х — начале 1990-х гг. отправлялись из сел в города России, но не так мала и доля переезжающих в сельскую местность, например в Красногорке это 42,9%. Из числа переселившихся почти никто не остался на территории Грузии или двух соседних республик. Большинство выбрало в качестве нового места жительства села в Ставропольском и Краснодарском краях, в Ростовской области, других южнорусских областях. При этом миграция в города нередко сохранялась в пределах Грузии (в отличие от Азербайджана). Из Ульяновки в города Грузии переехали 70,6% и 100% из Красногорки. Большая часть городских миграций из этих сел осуществлялась в Тбилиси благодаря транспортной доступности и налаженным культурно-экономическим контактам (Комарова 1992: 130).

Если жители соседнего с Ульяновкой села Магаро за период с 1986 г. по первую половину 1990 г. переезжали преимущественно в города и села Грузии (из 120 человек только пятеро покинули республику), то русское население Ульяновки в основном уезжало в Россию (85 из 135).

Аналогичная ситуация характерна и для армян, которые мигрируют не в Армению, а в южные области России (Комарова 1992: 131). Большая склонность переезда из села в город была характерна для тех, чья специальность не требовала профессиональной переподготовки (Ямсков 1992: 148).

Интересно, что с 1986 г. по первую половину 1990 г. наибольшей интенсивностью отъезда русского населения отличается Азербайджан — 7,3 %, в Армении — 3,4 %, а в Грузии только 2,1 % (Комарова 1992: 142). Анализируя похозяйственные книги, О. Д. Комарова связывает такое положение не столько с урбанизацией, сколько с межнациональными отношениями в республике (Комарова 1992: 121).

Если в начале 1990-х гг. среди причин миграции русских в Россию обычно называют националистическую пропаганду, языковую политику, экономическую нестабильность и закрытие предприятий, то с приходом к власти Эдуарда Шеварднадзе главными факторами эмиграции русских стали социально-экономические, а не политические (Комахия 2007: 153).

Такие воспоминания о переезде публикует в своих мемуарах бывший житель Ульяновки (Илиацминда): «1992–1993 гг. массовая миграция населения села Ульяновки в Россию. Это было незабываемо. Прибыли 12 трейлеров. В каждую машину грузились 2–3 семьи. Выезжали в два часа ночи. Ночь была светлая, луна светила так ярко, что можно было читать. Все машины въехали на центральную улицу, в одно время дали гудки и с благословением Господа Иисуса Христа тронулись в путь. Все оставшиеся стояли у дороги, провожая своих родственников. Был страшный вой собак. Это нельзя вспоминать без слез. А к кому ехали? Жители Ульяновки повторили судьбу своих предков, в XXI веке оказались изгоями. Гамсахурдия крикнул: “Грузия для грузин”, и следом за ним стали кричать: “Русские, вон из Грузии”, “Земля грузинская — наша земля» (Маркушин 2014: 232).

Нужно также упомянуть, что Грузия стала в первую очередь пристанищем других «сектантов» — духоборцев, их религиозный центр находится в селе Гореловка (край Самцхе-Джавахети). Духоборцы Грузии разделили судьбу молокан, большая часть духоборцев также выехала в 1990-е гг. Некоторые переселились при поддержке российских властей. В 1990 г. они мигрировали преимущественно в село Архангельское Тульской области (Беженцева 2007: 112). В 1999 г. лидер общины Любовь Гончарова отправила большую часть духоборцев в Брянскую область (Комахия 2007: 158). Однако отток начался еще в советское время. Так, с 1979 по 1989 г. количество духоборцев в Ниноцминдском районе уменьшилось с 5 614 до 3 830, а в Дманисском — с 2 000 до 691 (Беженцева 2007: 114). В самой многолюдной духоборческой общине села Гореловка (Джавахети) на моления собираются только 20 человек, в праздники их число увеличивается до 30–40 человек (Беженцева 2007: 108).

МОЛОКАНСКИЕ ОБЫЧАИ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ

Из интервью видно, что отход от веры среди молокан был постепенным, отток стал особенно заметным с середины XX в., в послевоенный период. Это понятно из того, как информанты описывают свое прошлое, в котором они жили как обычные советские граждане — были пионерами и комсомольцами, служили в советской армии, праздновали светские праздники и дни рождения, продвигались по карьерной лестнице. Исследователи закавказских сектантов отмечают, что в Грузии порядок браков только со своими нарушился еще в послевоенный период. Девушки выходили замуж за христиан, грузин и армян (Иванова 1992: 33). Уже в 1990 г. в Грузии молитвенные собрания посещали только пожилые люди, хотя на тот момент в Тбилиси еще существовало четыре молельных дома. Дети из молоканских семей вступали в браки с православными и не следовали

строгим моральным обязательствам, которые налагала на них молоканская вера (Иванова 1992: 42).

Грузинские традиции оказали влияние на молоканские обычаи. Например, в селе Ульяновка на 40-й день после смерти человека устанавливали пышные памятники и ограждения, а над могилой громко эмоционально причитали (Иванова 1992: 42). И сегодня на молоканском кладбище в Ульяновке можно наблюдать обилие типичных советских надгробий с фотографиями усопших, разве что без крестов. Такое глубокое проникновение «светских» практик в жизнь молокан кардинально отличает их от единоверцев в Армении, где молокане, в первую очередь прыгуны, часто отмежевывались и от государства, и от любых посягательств на свою религиозную свободу, поэтому занимали низовую нишу в армянском обществе и редко могли похвастаться карьерным ростом.

Сегодня в Грузии остались только постоянные молокане, преобладавшие и прежде. Они намного более приветливо и открыто встречают чужаков, чем прыгуны, с легкостью разрешают себя фотографировать и делать видеозапись, поощряют исследование молоканства. О молоканах-прыгунах они знают, но скорее понаслышке. Те прыгают и трясутся во время молитв — это, пожалуй, все, что они могут про них рассказать. Тесных контактов с армянскими и азербайджанскими молоканами у них нет, никакие связи, кроме редких родственных, не поддерживаются. Благодаря последним в общине постоянных молокан Еревана нам дали телефон пресвитера в Тбилиси и адрес молоканской семьи в селе Давитиани. Молокане в Грузии чаще устанавливают отношения с постоянными молоканами в России, а некоторые пресвитеры ездят на общие молоканские съезды.

Почти все молокане выехали в Россию в 1990-е гг. и многие достаточно легко расстались со своей религиозной идентичностью, в том числе и крестились в православие. В двух бывших молоканских селах, которые мне удалось посетить, еще есть молоканские собрания, но, очевидно, они доживают свои последние дни. На них нет ни молодежи, ни людей среднего возраста, только 5–6 женщин пожилого возраста. Никто из них уже не надевает фартуки, а мужчины приходят на собрание без поясов. Религия здесь — это, по сути, «дело стариков». И только «дело»¹ (в данном случае религиозные праздники и помины, так как свадьбы и кстины (крещение) уже давно в собраниях не проводятся) на время оживляет общину, позволяет ей собраться и вспомнить прошлое.

В одном из собраний Тбилиси и в селе Давитиани функцию пресвитера выполняет женщина, что говорит о почти полном увядании общины, где собрания служат местом встречи русскоязычных соседей. Еще служащие пресвитеры-мужчины — это либо осколок прошлого (опытному пресвитеру в Тбилиси 90 лет, а передавать дела ему некому), либо мало интересовавшиеся религиозными вопросами люди, лишь на пенсии задумавшиеся о конечных вопросах бытия и ставшие пресвитерами потому, что других кандидатур не было. Их дети никак не соблюдают молоканские обычаи и не ходят на собрания, более того, кто-то из них крестился в православную веру или крестил своих детей. Грузинские молокане принимают это как само собой разумеющееся, пусть и с нотой сожаления.

В селах я смогла зафиксировать ситуации почти полного забвения молоканской религиозной культуры — собрания полупусты, обряды почти не совершаются, многие держат свиней², употребляют алкоголь, часто не молятся перед едой, женщины ходят в брюках. Информантка оправдывает употребление свинины в пищу тяжелой экономической ситуацией, по ее словам, молокане

¹ «Делом» молокане называют совместную трапезу-жертвоприношение, посвященную какому-либо обряду жизненного цикла, празднику или событию.

² Молокане придерживаются некоторых ветхозаветных пищевых запретов, среди которых самым устойчивым является предписание не употреблять свинину. Один из ключевых молоканских лозунгов формулируется так: «Икона — не Бог, свинина — не мясо».

сейчас вынуждены руководствоваться принципом «что идучее и ползучее — все едучее». Соблюдение «закона» для нее, скорее, формальность: «Языком больше нагресишь, чем что-то поешь» (ПМА 2018, Давитиани, жен., 53 года).

Компромиссное отношение к алкоголю формулируется в такой фразе: «Вино выпить не грех, а от вина грех» (ПМА 2018, Илиацминда, муж., 63 года), то есть греховными становятся только последствия. Даже если они признают, что пить спиртное не положено, то сейчас этот запрет распространяется в большей степени на употребление в молитвенном доме, тогда как вне его к нарушению этого правила относятся довольно легко. В то же время отдельные внешние атрибуты молокан сохраняются — меня дважды угощали чаем из самовара на углях, а лапшу называют главным молоканским блюдом, отличающим их от соседей. При этом на праздники в молитвенном доме готовят в основном салаты (в том числе и оливье). В собрании могут отмечать даже светские праздники, например устраивают застолье на 9 мая, в моленную надевают георгиевские ленточки и сразу после религиозных песнопений поют военные песни.

Приватизированная религиозная этика не поощряет избыточных проявлений в вопросах веры. Дотошное соблюдение заповедей трактуется информантами как неправильное поведение: во всем нужна мера. Религиозному отводится определенное место, но оно не охватывает все области жизни: «Своя жизнь больше интересует. Ну пошли там помолились, как говорится, там долг отдали и пришли» (ПМА 2018, Давитиани, жен., 53 года). Неудивительно, что бывшая духоборка, вышедшая замуж за молоканина, не видит различия между молоканством и духоборчеством, считая, что это одно и то же, только одни признают Библию, а другие нет.

Таким образом, религиозные практики молокан в Грузии лишь дань прошлому, которое уже почти ушло. При этом следы былой «роскоши» также хорошо заметны — большие залы собраний, обилие посуды и самоваров. Запустение касается не только религиозной составляющей. На кладбище можно увидеть как разоренные ограды, которые были разворованы в 1990-е гг., так и коров грузинских соседей, пасущихся прямо на могилах. В селе очень плохие дороги и открытые канализационные люки. Когда-то их сдали на металлолом, а теперь жители иногда в них проваливаются и ждут, пока их оттуда вызволят. Общее состояние упадка и ухода молокан пронизывает всю атмосферу села.

Вместе с тем прекрасный климат и ландшафт, плодовое изобилие, домашний пруд с рыбой — все это делает сельскую жизнь намного легче, чем в армянских молоканских селах, однако и «уводит их от Бога». Конечно, нельзя рассматривать строгость соблюдения догматов как эталон «правильной» религиозности, но в то же время стоит учитывать, какое место религиозные запреты и обычаи занимают в жизни верующих. Для молокан Армении, строгих блюстителей христианских норм, молокане в Грузии попросту не являются таковыми. Нормативный подход убеждает их в том, что отступающие от закона не могут называть себя приверженцами религиозного учения. Поэтому они отговаривали нас ехать в Грузию, убеждая, что там нечего искать. Молоканство как идентичность для них не имеет никакого отношения к духовной сфере и не представляет интереса.

ВОСПОМИНАНИЯ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ

Советское прошлое обычно описывают как время благополучия и сытости. Молокане подчеркивают, что в советское время гонений на веру не было. Несмотря на полную вовлеченность в светскую жизнь, многие женились по молоканскому обычаю, правда, нередко переходными обрядами религиозная жизнь и ограничивалась, возобновляясь только на пенсии.

По словам информантов, преследовали пятидесятников и адвентистов седьмого дня, тем приходилось прятаться по подвалам, а молокане молились открыто. Они также собирались раз в неделю, никто не препятствовал, только не разрешали привлекать молодежь и партийных людей. Однако надзор со стороны государства был. Специально на каждом собрании из молокан был представитель, связанный с правительством, — председатель. Несмотря на это, они вспоминают Советский Союз с нотой ностальгии: «Вот думаем все, надеемся, что республики наши соединятся, у нас такое предчувствие» (ПМА 2018, Давитиани, жен., 53 года).

Светлана Иникова подтверждает, что у молокан уже давно нет «былого неприятия земных властей. Отношение молокан и духовцев к власти можно, пожалуй, выразить следующим образом: “не мешают — и слава Богу”» (Иникова 1998: 102). А 75 % опрошенных ею молокан старшего возраста на вопрос о воинской повинности ответили, что молокане должны служить наравне со всеми (Там же: 100). Уже почти не вспоминают неоднозначное отношение молокан к военной службе в прошлом. Так, информантка указывает на принятие молоканами любой власти, как советской, так и царской: «У нас против государства никакого противоречия нет, почему?» (ПМА 2018, Тбилиси, жен., 77 лет). По ее словам, молокане никогда не вступают ни с кем в конфликт: еще основатель молоканства Семен Уклеин приходил к Александру I доказывать свою преданность Российской империи. И в советское время молокане обязательно служили в армии, вступали в комсомол, пионеры. «Родители говорили: раз надо — надо. Для государства у нас всегда надо. Служить. Пожалуйста, служить» (ПМА 2018, Тбилиси, жен., 77 лет).

Рассказ о нынешнем дне неизбежно приводит к сравнению с недавним прошлым, когда все было по правилам. Обычно вспоминают многолюдность богослужений. В собрании в Тбилиси еще недавно было 300 человек: «Когда выходили с собрания — как демонстрация идет», — а сейчас собирается 5–7 человек (ПМА 2018, Тбилиси, муж., 90 лет). Рассказывают и о длинных и частых службах, особенно в дни больших праздников, сейчас собрание проходит один раз в неделю, в воскресенье утром.

Другое важное отличие — это целостность общины, раньше можно было жениться только на своих, в наши дни много смешанных браков. Раньше строго соблюдались правила ритуальной нечистоты: кто во время похорон работал на кухне, тот к гробу близко не подходил. Могильщики, которые рыли могилу, считаются оскверненными, пока не искупаются, — в собрании их уже не сажали. Сегодня этот порядок нарушен.

Прежде надо было подходяще одеваться — косоворотки, пояса, платок и фартук для женщин, а сейчас все ходят «по-европейски». Тогда все были с бородами в 50 лет, теперь бород почти ни у кого нет. Раньше молоканам нельзя было иметь телевизор, сегодня он есть у каждого. Нарушаются и пищевые запреты: «Стали есть и тараканов, и букашек, и кальмаров» (ПМА 2018, Тбилиси, муж., 90 лет).

До распада Советского Союза были всем известные молоканские места, например молоканский базар — там жили в основном молокане. Пожилые коренные жители до сих пор его так называют, но для большинства память о молоканских следах уже утрачена.

МОЛОКАНЕ И ГРУЗИНЫ: БЫЛОЕ СОСЕДСТВО

Молокане, проживавшие в Закавказье с середины XIX в., ощущают себя в Грузии как дома, их нарративы о происхождении подчеркивают укорененность на этой земле. Е. А. Мельникова, рассуждая о насильственных переселениях финнов-ингерманландцев, приходит к любопытному

выводу, что эти миграции, обычно рассматриваемые как источник «размывания традиции», оказываются, наоборот, потенциалом для ее сохранения. Что особенно важно «история «исхода» становится «обосновывающим воспоминанием» (Мельникова 2014: 51), другими словами, неким устойчивым нарративом объяснения кто мы такие и откуда пришли. «Обосновывающее воспоминание» Е. А. Мельникова берет из работ Яна Ассмана, который понимает под ним обоснование вписывания себя в общенациональное или этническое прошлое (цит. по: Мельникова 2014: 52). Воспоминания об «исходе» позволяют характеризовать себя как представителей этнической группы, в случае молокан — этноконфессиональной идентичности, а также подтверждают легитимность нахождения на «чужой» территории. При этом рассказ о высылке сопровождается нередко ошибками, например среди молокан бытует устойчивый нарратив о том, что молокан на Кавказ выслала Екатерина II. Она действительно преследовала молокан, но политика групповой высылки сектантов из центральных губерний началась только при Александре I, не говоря уже о том, что Кавказ еще не был завоёван во время ее правления. Плохое знание истории приводит к смешению веков и императоров. С этим связано то, что имя Николая I не очень актуально для повседневного знания.

Другим общеупотребительным нарративом является рассказ о преследованиях. В устах религиозного лидера генеалогия возводится к первым векам христианства: «Мы стали называться иконоборцы. Вот с этих пор началось гонение, постоянно мы находимся в гонениях. После иконоборцев история теряется наша, теряется. Стали убивать, преследовать, каждый день. Все. <...> Наше течение идет от самого Христа, от апостольской церкви, и она не уклонялась никуда. Никуда. Вот как она шла» (ПМА 2018, Тбилиси, муж., 90 лет).

Молокане обычно плохо говорят по-грузински³ и не демонстрируют глубокой вовлеченности в текущие события грузинского общества. Благодаря спутниковому телевидению они часто больше погружены в российские политические реалии, которые нередко осуждают, но воспринимают как свои. В основном молокане осознают, что являются последним поколением молокан в Грузии, и даже если сами не хотят переезжать в Россию, то их дети уже там и они будут вынуждены мигрировать рано или поздно. Молокане не заметны в публичном пространстве, даже в соседних селах о них говорят просто как о русских, а не о молоканах, в этом их ситуация значительно отличается от Армении. Конечно, соседи по селу, а в Тбилиси — по улице, знают об их религиозных собраниях, но поверхностно, не вдаваясь в детали. Для них молокане никак не отличаются от тех русских, которые приехали в Грузию в советское время. Некоторые грузины иногда бывают на собраниях, но никто на памяти информантов не принимал молоканство. «У нас рождаются молоканами», — сказал мне пресвитер (ПМА 2018, Тбилиси, муж., 90 лет).

Обычно оставшиеся в Грузии молокане говорят о добрососедских отношениях с грузинами и не склонны обвинять последних в дискриминации по этническому или религиозному принципу. Рассказы о прошлом полны духа космополитизма: «Наши родители старались приучить нас в первую очередь к труду, к любви, к уважению, почитанию родителей. Они всегда наставляли нас делать только добро и всегда говорили: “Добро должно победить зло”. Так же и грузинские матери старались все хорошее привить своим детям. И не было никаких стычек между нашей молодежью и грузинской. Многие грузинские дети закончили Ульяновскую среднюю школу, и многие из них были педагогами в нашей школе» (Маркушин 2014: 101).

Такие же отношения поддерживаются и теперь: «Мы здесь не разбираем ни национальности — ничего, у всех праздник — у всех праздник. У кого горе — все на горе идут» (ПМА 2018, Давитиани,

³ Тогда как на начало XX в. в отчете кавказского наместника И. И. Воронцова-Дашкова отмечалось, что молокане хорошо владеют местными языками, в том числе и грузинским (Исмаил-Заде 1982: 86). Видимо, в советское время этот навык был утрачен.

жен., 53 года). Информанты подчеркивают свою укорененность, понимание «грузинского национального характера» и потому умение подстроиться к нему, знание плюсов и минусов. Молоканка, готовящаяся к переезду в Россию к детям, делится своим жизненным опытом: «Мы здесь местные, русские. С ними живем нормально, в миру, в любви. Все бывает». Как коренной житель, она может обходиться с грузинами по-свойски: «Можем дружить, поругаться, морды набить. И тут же снова дружить. Такой вот народ — злой, вспыльчивый, но незлопамятный. Очень теплый народ» (ПМА 2018, Тбилиси, жен., 77 лет). Информантка отмечает свою бóльшую схожесть с грузинами, чем с россиянами, к которым скоро должна переехать, хоть и не очень хочет этого.

Информанты отмечают изменения на макроуровне, выражающиеся в языковой политике, сокращении школ, обучающихся на русском языке, в смене названий сел. Иногда и в быту они сталкиваются с нежеланием говорить по-русски, но всегда находится кто-то, кто поможет: «Бывает, что обращаешься по-русски, а он отворачивается и идет. Ну и иди. А другой выходит, спрашивает: “Что вам?” В основном армяне, они и армянский, и грузинский, и русский знают, более снисходительны, мягче» (ПМА 2018, Тбилиси, жен., 69 лет).

К замене исторических русских топонимов грузинскими относятся фаталистично: русских становится все меньше и меньше, приезжают грузины, начинают новую историю. Инициатива при этом может исходить и снизу. Так, в селе Давитиани («уголок Давида») при Саакашвили несколько местных жителей подали заявку на смену названия, ее одобрили, и село переименовали. При этом к Саакашвили относятся с симпатией — их не обижал, навел порядок, то есть уничтожил воровство, мафию, коррупцию, при нем было осуществлено благоустройство сел.

По словам пресвитера в Тбилиси, государство не вмешивается в дела молокан, они свободно исповедуют свою веру, однако зарегистрировать общину тоже не позволяют, мотивируя свой отказ тем, что в Грузии одна государственная религия — православие.

«ЧУЖАЯ РОДИНА»

Россия зримо и незримо присутствует в жизни каждого грузинского молоканина: у кого-то есть российское гражданство (хотя человек мог и не жить никогда в России), у кого-то там живут близкие родственники. Разное гражданство нередко может быть в рамках одной семьи. Цель его получения была у многих практичной, например давала возможность служить в Грузии в российских частях. В начале 1990-х гг. для получения гражданства требовалась только справка от пресвитера, а оформление нередко проходило на месте в молоканских селах. И если тогда получить российское гражданство было легко, то сейчас это длительный процесс, занимающий годы.

Переселение в Россию не привело молокан к «молочным рекам и кисельным берегам». Места, куда их привозили по государственной программе переселения, часто были пустым неблагоустроенным полем, откуда многие уезжали и обустроивались далее сами. Продав свои дома за бесценок, многие молокане оказывались в тяжелой финансовой ситуации и жалели о поспешном переезде.

Политика российского государства по отношению к Грузии и введение визового режима в том числе и для русского населения Грузии вызывает чувства обиды и несправедливости у тех молокан, кто не может поехать навестить родственников на «историческую родину» в силу дороговизны виз и организационных сложностей при их получении. «Путин нас бросил, значит, бизнесмены ездят как хотят, а е... вот у меня тетка сейчас 80 с лишним лет в Краснодаре сидит, она уже немножко повихнулася. Друзья звонят оттуда — ну не могу поехать-посмотреть! Одна-единственная тетка у меня! Ну как можно? Не знаю!» (ПМА 2018, Давитиани, жен., 53 года).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В описанном контексте молоканство остается тем социальным ресурсом, которым можно гордиться, можно стыдиться, его можно пытаться коммодифицировать или по крайней мере рекламировать себя через соцсети или Youtube, но все равно с осознанием, что почти ничего не осталось. Это тот капитал, тот опыт, который уходит или уже совсем ушел, о чем даже не очень-то можно сожалеть. Молокане в Грузии осознают, что они последнее поколение молокан, все уехали в Россию. Их дома и села постепенно заселяются новыми людьми. Их жизнь протекает на чемадах в ожидании лучшей доли на «родине» либо в созерцании упадка общины.

Тбилисский пресвитер со смирением и грустью осознает, что не только он, но и все сообщество доживает свои последние дни: «Правда, нас сейчас остается меньше и меньше. Со временем нашего движения здесь не будет, оно уйдет, поэтому это уже к концу. Сейчас мы это видим, что уходит. Я был в Москве на собрании, уже там... и там уйдет наше движение, потому что по Священному Писанию, да, те, которые истинные духовные христиане, они должны уйти, чтобы не видеть то, что будет здесь в этом мире. А в этом мире будет очень нехорошо, очень трудно. Правильно сказали, правильно... вот те, которые что-то пишут и там говорят — это все. Вот сейчас некоторые: вот мы ж тоже молокане, наши предки! Ну правильно, правильно, их были молокане, но они-то уже не молокане, не молокане» (ПМА 2018, Тбилиси, муж., 90 лет).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ПМА 2018. Грузия, май 2018 г.
- Беженцева А.* Страна Духобория. Тбилиси, 2007.
- Гвасалия Г.* Положение русской общины и русского языка в Грузии // Аналитический портал «Кавказского дома». 11.04.2013. URL: <http://regional-dialogue.com/ru/положение-русской-общины-и-русского-я/> (дата обращения: 20.02.2019).
- Долженко И. В.* Хозяйственный и общественный быт русских крестьян Восточной Армении (конец XIX — начало XX в.). Ереван, 1985.
- Иванова Ю. В.* Особенности жизни в сельских общинах русских сектантов Закавказья: традиции и инновации // Духоборцы и молокане в Закавказье. М., 1992. С. 26–44.
- Иникова С. А.* Проблемы этноконфессиональных групп духоборцев и молокан // Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе. М., 1998. С. 84–104.
- Исмаил-Заде Д. И.* Русское крестьянство в Закавказье (30-е годы XIX — начало XX в.). М., 1982.
- Комарова О. Д.* Современная миграция населения из русских сел Закавказья // Духоборцы и молокане в Закавказье. М., 1992. С. 105–144.
- Комахия М.* Славянское население Грузии // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 4 (52). С. 152–165.
- Маркушин Е. В.* Воспоминания. Краснодар, 2014.
- Мельникова Е. А.* Воспоминания об «исходе» и этническая идентичность финнов-ингерманландцев в переселенческой Карелии // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2014. Вып. 14. С. 51–70.
- Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893.

Семенов И. Я. История закавказских молокан и духоборов. Ереван, 2001.

Ямсков А. Н. Этнические различия в социально-профессиональном составе сельского русского и коренного населения Закавказья // *Духоборцы и молокане в Закавказье*. М., 1992. С. 144–160.

THE LAST MOLOKANS IN CONTEMPORARY GEORGIA

ABSTRACT. The article is devoted to the contemporary situation of the Molokan religious group in Georgia. The Molokan sect appeared in the eighteenth century in the central provinces of the Russian Empire. They started to be expelled to Transcaucasia in 1830 when they were declared an “especially dangerous sect”. Today due to different reasons the majority of Molokans have migrated to Russia and other countries. In Armenia, Georgia and Azerbaijan there are only several villages where Molokans still live compactly and try to maintain their traditional way of life. The field materials collected by the author show almost complete disappearance of this religion in Georgia due to its adepts’ migration to Russia. The author defines traditional Molokan features, which can be observed in the vanishing community. In the former Molokan villages there can be still found religious gatherings which appear to be in their final days. The author describes the role of religion in today’s Molokan community and brings the informants’ stories about the practices of the past and relations with their Georgian neighbors.

KEYWORDS: migration, sects, Molokans, religious minority, village

JULIA O. ANDREEVA — Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)

E-mail: julia.o.andreeva@gmail.com